

2012
2013

Санкт-
Петербур
молодой

«Молодой С-Петербург»*12-13

Литературный Фонд «Дорога жизни» и общество «Молодой Петербург» при Союзе писателей России, СПб, 2013 г., 304 стр., тираж 1000 экз.

Главный редактор
Алексей Ахматов

Редакционный совет:
президент литературного
фонда Дмитрий Мизгулин,
Глеб Горбовский,
Виктор Кречетов,
Евгений Лукин,
Роман Всеволодов

Редакционная коллегия:
зав. отделом прозы Игнат

Смоленский,

зав. отделом поэзии Юлия Морозова,

зав. публицистической частью Елена Иванова,

зав. литературоведческой частью Роман Круглов,

зав. разделом «Периферическое зрение» Евгений Антипов,

зав. разделом «На ЛИТО» Максим Швец

Стихи: Юлия Морозова, Андрей Майков, Марианна Соломко,
Сергей Лопатников, Павел Синельников, Дмитрий Артис, Елена Иванова,
Татьяна Богатырева

Проза: Анастасия Цылина, Ольга Туркина, Анна Броусек, Нина Шевчук,
Игорь Богданов, Светлана Александрова

Статьи: Алексей Ахматов, Андрей Расторгуев, Анастасия Дмитриева,
Евгений Антипов, Алексей Зырянов, Татьяна Лестева, Игнат Смоленский,
Владимир Коркунов, Ахрип Гултопты, Борис Лукин, Андрей Расторгуев,
Геннадий Муриков, Алексей Ахматов, Олег Чабан, Елена Иванова,
Марфа Мазурова, Вадим Пугач, Марина Немарская, Дмитрий Артис,
Станислав Ефимов, Людмила Бубнова, Александр Вергелис, Светлана Конева,
Максим Швец, Екатерина Игнатьева, Роман Круглов, Кирилл Пругалов,
Татьяна Богатырева, Юлия Морозова, Ирина Васильева, Якоб Айгеншарф

КАРЛИКИ

Ты – карлик, ты – все-таки карлик.

Не бойся, – я меньше тебя.

Нам каждый окурок – кораблик,

луна – это шляпка гриба.

Плывем по дорогам мышиным,

от стужи закутавшись в мох,

туда, где мы станем большими

среди лилипутов и блох.

Ты – выше, конечно же, выше

песчинок и капель воды,

и даже пророчески слышишь,

как ночью вещают кроты,

как ловит сигналы кузнечик

от нашей звезды путевой.

Ах, милый, садись мне на плечи,

чтоб небо проткнуть головой

и взять полумесяц «на вынос»...

Но что для тебя болтовня?

Ты вырос, любимый, ты вырос,

ты больше не слышишь меня!

Андрей Майков

Не рыпаясь, не парясь, не спеша,

Не сомневаясь в избранной дороге, –

Ты так живешь. И не болит душа

О скудости в грядущем некрологе.

Была пора, – и ты бежал, как псих,

За каждым отголоском канонады.

Но нынче график твой – от сих до сих

Распределен, и лишнего не надо.

Будь счастлив же и благостен, как Юм,
В агнозисе и флегме сладко млея.
А вечность пусть смущает тех, кто юн,
Блазнительностью липовой своею.

Марианна Соломко

И этих нет уже, и тех,
И тех, что были перед ними.
Лежит расколотый орех
Как открепившееся имя.

Он побирался скорлупой,
Он плыл расстегнутым ковчегом,
И в землю тыкался, слепой,
Как человек без человека.

Сергей Лопатников

Опадает листва, как отжившие мысли и чувства.
Осень – это итог. Подвести его надо суметь.
Жить в осенние дни – это, брат, непростое искусство
Сбросить все, что не может уже зеленеть.

Опадает листва. Мир становится строже и злее...
Спотыкаясь об истины черных стволов,
Крупным кеглем впечатанных в строчки – аллеи,
Мы идем по земле, не срезая опасных углов.

Опадает листва и летит, и летит по Неглинной,
А потом по бульварам до самых Никитских ворот.
Так, помянем друзей и, конечно же, первых любимых,
Что попали, как листья, в тот бешеный времяворот.

Дмитрий Артис

Не умер я – и только потому,
что смерть не стоит ни любви, ни желчи.

С недавних пор, сжимая пятерню,
увлекся жизнью, как одной из женщин.

Где ликовало прошлое, теперь –
до чертиков отъявленных, до колик –
ликует настоящее. В тебе,
мой мнимый друг, случается такое?

Становится Немировка острее,
и тяжелей махорки легкий Winston,
и, кажется, еще не постарел,
но к мудрости уже приноровился.

Ольга Туркина

ДУХОВНОЕ ПРОПИТАНИЕ

Выбрасываю мусор и вижу: под ногами, на помойке, в луже – валяется Достоевский.

Федор Михайлович, чье тело давно стало бумагой, Достоевский – в кожаном, как плащ, переплете, с золотыми, как зубы, буквами на прямоугольном лице, с обтрепанной, желтеющей бородой страниц, торчащих седыми клочьями. Достоевский. На помойке. В луже. Кому-то перестал быть нужным.

В кирпичном закутке удобно сидят на склизкой от гнили земле двое бомжей, их наружность не уступает виду Федора Михайловича. Один из них поднял на меня чистые глаза, – то есть все чистое, что у него было, – и не осталось сомнений, что за его больными плечами, привыкшими таскать узелки хлама, – высшее образование. На коленях толстенный том, открытый на последней странице. Я присматриваюсь, нет ли на страницах требухи от рыбы или других объедков. Нет. Другой не смотрит на меня, увлеченный чтением. За их спинами высится книжная гора, а в ногах лежит, вскрытая птичьими клювами, забытая, будто ненужная, горбушка. Первый как раз дочитал последнюю страницу и, аккуратно отложив том на прочитанную гору за спину, потянулся жадной пятерней за Достоевским. Плюнув на палец, он с дрожью, как будто сняв крышку с тарелки деликатеса, перевернул титульный лист. Есть же на помойке и духовная пища.